

Святой Иоанн Златоуст — обличитель

Имя святителя Иоанна Златоуста знакомо каждому православному человеку — хотя бы потому, что в храмах служится составленная им литургия.

Провинциал

Он родился около 347 года в Антиохии в семье военачальника по имени Секунд. Место и время рождения во многом определили облик его христианского служения. Весь тот край входил в состав огромной Римской империи, власти которой только недавно обратились в христианство. Антиохия была крупнейшим городом восточного Средиземноморья, где эллинистическая цивилизация соседствовала с семитской.

Это здесь еще в апостольские времена впервые прозвучало само название «христиане». В деревнях здесь говорили практически на языке Христа и апостолов — на арамейском (этот его вариант обычно называют «сирийским»), в городах звучали изысканные философские беседы и тщательно выстроенные речи на греческом. Здесь были все возможности получить хорошее и разностороннее образование, как общегуманитарное, так и сугубо христианское, и Иоанн ими в юности воспользовался, благо он происходил из обеспеченной семьи.

Отношение к христианству в Римской империи второй половины IV века было отчасти похожем на то, что мы знаем по собственному опыту. Старики еще помнили те времена, когда говорить о Христе было смертельно опасно, можно было угодить на арену в качестве жертвы для диких зверей. Да и во время отрочества Иоанна Римом правил император Юлиан Отступник, пытавшийся возродить языческую религию.

Впрочем, Юлиан потерпел неудачу и сам погиб на войне, так что отныне империя становилась христианской. Это значит, что в Церковь пришло огромное количество людей — кто ради веры, кто за компанию, кто из любопытства, а кто-то и в поисках выгоды. Всех их объединяло крайне поверхностное знакомство с верой и жизнью Церкви и вполне языческий менталитет.

Вскоре после смерти Юлиана принял крещение и двадцатилетний Иоанн. Среди новокрещеных немного было людей столь образованных. Многие и вовсе не понимали, чем поклонение Христу принципиально отличается от поклонения множеству божеств, которых они прежде чтили. А некоторые видели в христианстве всего лишь новую идеологию, полезную имперской власти.

Именно тогда и именно по этим причинам зародилось монашество — движение тех, кто тщательно оберегал чистоту христианства, уходя от шумных толп в малодоступные места. Иоанн тоже принял иночество после смерти своей матери Анфусы: четыре года он провел в уединении, два из них — в полном молчании.

Его красноречию предстояло вызреть, словно плоду в чреве. А многие ли из нас утерпели бы в такой ситуации, чтобы не начать поучать всех вокруг?

И в эти, и в последующие годы Иоанн очень много писал — сегодня собрание его сочинений занимает целую полку. Это и богословские трактаты, и комментарии на Священное Писание, и письма разным людям по разным поводам, и, конечно же, проповеди. Но до них дело дошло не сразу.

Публицист на амвоне

Еще до отшельничества Иоанн был рукоположен в чтеца — одна из низших ступеней церковной иерархии. Хотели его рукоположить и в пресвитеры, и даже в епископы, но он отказался. Собственные размышления на эти темы привели его к написанию «Шести слов о священстве».

Вот как видел он пастырскую ответственность:

«Пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания; так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания, соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше».

Собственно, эти «Шесть слов» — объяснение, почему Иоанн не считал нужным в тот момент становиться священником.

Впрочем, когда он вернулся в Антиохию, то в 381 году был рукоположен во диакона, и только через 5 лет — в пресвитера. Ему было поручено произносить проповеди, и он делал это при стечении народа не реже двух раз в неделю, а иногда и ежедневно. В те времена не было средств массовой информации, а книги были очень дороги, и проповедь, по сути, оставалась единственным способом научить чему бы то ни было церковный народ.

В центре его проповеди всегда оставалось Священное Писание. И это неудивительно, ведь он сам считал, что именно «от незнания Писания произошли бесчисленные бедствия: отсюда произросла великая зараза ересей, отсюда — нерадивое житье, бесполезные труды. Подобно тому как лишенные этого света не могут прямо идти, так и не вззирающие на луч божественного Писания вынуждаются много и часто грешить, так как поистине ходят в самой глубокой тьме».

Иоанн мог выбрать какую-то одну из библейских книг и разбирать ее подробно, от главы к главе, за каждой проповедью, а мог поступить иначе — посвятить свою беседу тем страницам Писания, где речь идет о наступающем празднике. Но его интерес к Писанию —

не теоретический, именно там он находит самые важные указания для своей паствы: как жить по Евангелию, как исполнять волю Божию, как любить ближнего. Его проповеди очень мало похожи на скучные богословские лекции, пересыпанные цитатами.

Вот он рассказывает о хананеянке, то есть язычнице, которая обратилась к Христу с мольбой об исцелении ее дочери. Среди аудитории наверняка было много вчерашних язычников, выходцев практически из родных мест этой женщины, таких же, по сути, хананеев.

«Итак, возлюбленный, зная, что так бывает во время молитв, подражай хананеянке; хотя ты — муж, однако подражай жене, иноплеменнице, слабой, отверженной и презираемой. Ты не имеешь бесноватой дочери? Но ты имеешь грешную душу. Что сказала хананеянка? “Помилуй меня, дочь моя жестоко беснуется”. Так и ты скажи: “Помилуй меня: душа моя жестоко беснуется” ... Куда бы ты ни пошел, везде слышишь слова Христовы: “О, женщина! Велика вера твоя”. Войди в церковь персов и услышишь Христа, говорящего: “О, женщина! Велика вера твоя”; равно как и в церковь готов, варваров, индийцев, мавров, и какую только страну освещает солнце».

И простые человеческие чувства не проходят мимо внимания Златоуста. Он пишет молодой вдове и, прежде чем поучать, старается посочувствовать ей:

«Все будут согласны с тобою, и никто, даже из весьма любомудрых, не станет противоречить тому, что ты получила тяжкий удар и что посланная свыше стрела поразила тебя в самое роковое место... Согласно с тобою, и я признаю, что на всей земле между светскими людьми немного бывало таких любезных, кротких, смиренных, искренних, разумных и благочестивых, как твой муж. Но, если бы он совершенно разрушился и обратился ни во что, тогда следовало бы скорбеть и сокрушаться; если же он приплыл в тихую пристань и переселился к своему истинному Царю, то об этом должно не плакать, а радоваться. Эта смерть не смерть, но некоторое переселение и перемещение из худшего состояния в лучшее, с земли на небо, от людей к ангелам и архангелам, к Владыке ангелов и архангелов».

А вот что говорит он подвижнику, которого мысли о демонских искушениях заставили думать о самоубийстве:

«Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечом, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти унынием.... Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твое положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким; но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрешившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию».

За красноречие Иоанна называют Златоустом, но он служит Богу далеко не только устами. Много занимается он и благотворительностью в Антиохии. Его слава не прошла мимо внимания властей Восточной Римской империи: когда в 397 году скончался Константинопольский архиепископ Нектарий, на первенствующую кафедру пригласили именно Иоанна. Главную роль здесь сыграло желание императора Аркадия видеть в своей столице такого одаренного и активного иерарха.

Обличитель знати

Но, как это часто бывает, ожидания властей не совпали с подлинным призванием великого христианина. Проповедовать ему удастся уже не так часто, как прежде, зато он с головой уходит в организацию практической деятельности Церкви: преодолевает раздоры, устраняет недостойных клириков, требует от остальных прилежания и чистоты жизни. Епископ в его представлении, не обласканный властью чиновник, а служитель народа Божьего. Он распродает роскошное убранство архиепископского дворца и передает вырученные средства на содержание больниц и гостиниц для паломников.

Это было время, когда уже стала забываться первоначальная простота христианских общин, особенно здесь, в величайшем и богатейшем городе мира, рядом с блистательным императорским двором. Почти никого уже не удивляло, что голодный нищий и пиршествующий богач (словно из евангельской притчи) формально суть братья во Христе, а на деле от одного до другого как от земли до неба. Мало кого смущала далекая от аскезы жизнь иных христианских пастырей.

Но Златоуст не собирался мириться ни с чем подобным. От нового константинопольского архиепископа достается всем: и епископам, и знати, и даже императорской чете. Но больше всего он ополчается против богатства и социального расслоения:

«Сначала Бог не сделал одного богатым, а другого бедным и, приведши людей, не показал одному многих сокровищ, а другого лишил этого приобретения, но всем предоставил для возделывания одну и ту же землю. Каким же образом, когда она составляет общее достояние, ты владеешь столькими-то и столькими участками, а ближний не имеет ни клочка земли? <.. . > Корыстолюбивые богачи — это какие-то разбойники, засевшие при дороге, грабящие проходящих и зарывающие имущества других в своих кладовых... как свиньи в грязи, они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия».

Так и с императрицей Евдокией, фактической правительницей при слабом и безвольном императоре Аркадии, Златоуст вступает в конфликт из-за ее неумеренной роскоши и жадности. Он защищает от конфискации имущество вдовы и детей опального вельможи, а в храме, обличая в проповедях щегольские траты, недвусмысленно показывает глазами на саму императрицу...

Такого снести она никак не могла! Ведь еще недавно римские императоры официально считались богами, а «оскорбление величества» было самым страшным уголовным преступлением.

Среди священства и епископата многие тоже были в обиде на святителя: его требования казались чрезмерными, его стиль управления — жестоким. В 403 году Собор епископов отправил Иоанна Златоуста в ссылку. Правда, длилась она недолго: простой народ обожал своего архиепископа, в столице начались волнения, и его пришлось вернуть.

Иоанн просто не мог воспринимать христианство и в особенности священство не всерьез, не мог рядом с собой видеть людей, сочетавших христианскую символику со вполне языческими поступками. Например, установили на городском ипподроме серебряную статую императрицы — что в этом такого? Всегда так поступали в Риме! Но Иоанн откликается на это событие проповедью: «Вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь пляшет, вновь требует главы Иоанна на блюде». Императрицу он сравнивает с распутной женой царя Ирода, император, соответственно, оказывается Иродом... Это уже было слишком.

В 404 году новый Константинопольский собор отправляет Иоанна Златоуста в новую ссылку. Сам он сказал об этом так: «Братия, вор не приходит туда, где хворост, сено и дрова, но — туда, где лежит золото, или серебро, или жемчуг; так и дьявол не входит туда, где

прелюбодей, или богохульник, или хищник, или корыстолюбец, но — туда, где провождающие пустынную жизнь... Так, если изгонят меня, я уподоблюсь Илии; если бросят в грязь — Иеремии; если в море — пророку Ионе; если в ров — Даниилу; если побьют камнями — Стефану; если обезглавят — Иоанну Предтече; если будут бить палками — Павлу; если распилят пилою — Исае; и о, если бы пилою деревянною, чтобы мне насладится любовью ко кресту!»

Но у Иоанна Златоуста был собственный путь, о котором можно сказать его же словами:

«Жизнь праведных блестяща; но как она делается блестящею, если не чрез терпение? Приобрев, возлюби его, брат, как мать мужества».

Он был отправлен в городок Кукуз в Армении, где продолжал активнейшую переписку с друзьями (до нас дошло более двухсот писем). И за это из Кукуза он был отправлен еще дальше, на самый край тогдашней Империи — в Питиунт (нынешняя Пицунда в Абхазии). Места назначения измученный святитель так и не достиг — он умер в местечке под названием Команы 14 сентября 407 года.

Перед смертью он произнес слова, ставшие затем своего рода последним девизом всех пострадавших христиан: «Слава Богу за все!» В этих словах — итог его земной жизни.

Почитание святителя началось практически сразу после его смерти, и мощи его недолго оставались в Команах. Уже в 438 году по инициативе нового патриарха Прокла и нового императора Феодосия (сына Аркадия) они были перенесены в Константинополь. Оттуда они были похищены в 1204 году крестоносцами, которые увезли их в Рим, и лишь в 2004 году Иоанн Павел II возвратил их на прежнее место.

Преставление святого Иоанна Златоуста совпало с праздником Воздвижения Животворящего Креста Господня, и поэтому его память была перенесена на 13/26 ноября. Кроме того, 27 января/9 февраля отмечается память перенесения святых мощей святителя Иоанна Златоуста из Коман в Константинополь, а 30 января/12 февраля — Собор Вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

Но мы к тому же поминаем святителя на большинстве наших литургий и встречаем вместе с ним каждую Пасху, слушая в храмах его «Огласительное слово», где цитаты из Писания перемежаются с ликующим голосом самого Иоанна:

«Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! Воскрес Христос, и никто не мертв во гробе! Ибо Христос, восстав из гроба, — первенец из умерших. Ему слава и держава во веки веков!»

Источник: <http://www.pravmir.ru/oblichitel-zlatoust/#ixzz3LPf8ci7X>